

заменено на определенный срок, но не свыше пяти лет. При этом суд в обязательном порядке должен учесть поведение осужденного в процессе отбывания наказания. Рассмотренные аспекты исполнения наказания в виде пожизненного заключения свидетельствуют о том, что даже для данной категории осужденных возможно досрочное освобождение. Перспектива досрочного освобождения оказывает позитивное, стимулирующее воздействие на правопослушное поведение осужденных в период отбывания пожизненного заключения.

Рассмотренные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что для осужденных, не подпадающих по формальным основаниям к применению условно-досрочного освобождения от наказания исключается одна из существенных мер поощрения, которая возможна в процессе отбывания наказания – представление к условно-досрочному освобождению. Это способно влиять на мотивацию осужденного к правопослушному поведению в процессе отбывания наказания. Стоит отметить, что процесс исправления лица в процессе отбывания наказания предполагает субъективный аспект, т. е. у осужденного должна быть заинтересованность в изменениях своих отрицательных черт личности. Система исправления по своей сути построена на том, что при позитивной динамике правопослушного поведения в процессе отбывания наказания администрация исправительного учреждения вправе изменять (либо представлять к изменению в суд) условия отбывания наказания осужденного вплоть до представления последнего к условно-досрочному освобождению, что закрепляет таким образом позитивные изменения в личности осужденного.

В связи со сказанным целесообразно скорректировать норму, устанавливающую ограничения на применение условно-досрочного освобождения в отношении лиц, осужденных за совершение коррупционных преступлений, а также лиц, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, осужденных за преступления, предусмотренные ст. 174 УК и за иные преступления, совершенные в период работы в организациях на основании судебного постановления путем закрепления отдельной нормы в ч. 3 ст. 90 УК, устанавливающей возможность условно-досрочного освобождения по отбытии не менее четырех пятых срока наказания, а также в ч. 3¹ ст. 90 УК по отбытии не менее трех четвертых срока наказания, что будет способствовать наиболее эффективному достижению целей уголовной ответственности, а также реализации принципов уголовного и уголовно-исполнительного законодательства при исполнении наказания.

УДК 343.8

Е.Д. Харитонович

ОБ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА, В ОТНОШЕНИИ БОЛЬНЫХ ОСУЖДЕННЫХ

В настоящее время исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в отношении больных осужденных сопряжено с многочисленными проблемами, связанными с тем, что состояние их здоровья недостаточно учитывается в уголовно-исполнительном законодательстве. К таким проблемам можно отнести: отсутствие соответствующих прав у таких осужденных и полномочий у сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания, недостаточность учета особенностей состояния здоровья осужденных при оказании исправительного воздействия, в том числе воспитательной работе и привлечению к труду, а также при досрочном освобождении от отбывания наказания и т. д.

На практике достаточно часто эти недостатки решаются сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций субъективно в неофициальном порядке и не отражаются в официальных статистических данных. Представляется, что только четкое уголовно-исполнительное регулирование конкретных вопросов позволяет унифицировать практику исполнения наказаний.

Проблематика исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в отношении больных осужденных, не ограничивается проблемами законодательства. Она также проявляется в соответствующих статистических данных.

В соответствии с официальными данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ наказания, не связанные с изоляцией от общества, активно применяются на практике: ограничение свободы: в 2015 г. – 21 461, в 2016 г. – 26 558, в 2017 г. – 25 800, в 2018 г. – 23 683; обязательные работы: в 2015 г. – 77 549, в 2016 г. – 145 369, в 2017 г. – 131 488, в 2018 г. – 118 088; исправительные работы: в 2015 г. – 64 400, в 2016 г. – 53890, в 2017 г. – 58 079, в 2018 г. – 57 326 и пр.

Согласно данным Федеральной службы исполнения наказаний России, общее количество инспекций и их филиалов имело общую тенденцию к сокращению за последние годы с 2 450 (2006) до 1 428 (2018). При этом количество осужденных, состоящих на учете в инспекциях, в целом за этот же период осталось прежним: в 2006 г. – 574 441, в 2007 г. – 590 703, в 2014 г. – 433 674, в 2017 г. – 503 865, в 2018 г. – 509 965. В этом случае при сокращении почти в два раза за последние 12 лет количества инспекций число осужденных, состоящих у них на учете, осталось в целом аналогичным. Это свидетельствует о том, что объем нагрузки на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций существенно вырос, и, как следствие, стало возможным наличие некоего формализма в их работе, осложняемого недостатками уголовно-исполнительного и иного законодательства.

Наблюдается в целом и увеличение числа состоящих на учете осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества (к исправительным работам, обязательным работам, ограничению свободы и пр.)

В результате всего по учетам в уголовно-исполнительных инспекциях ежегодно проходило около 1 млн. человек, и снималось с учета в связи с осуждением за новое преступление ежегодно от 10 до 19 тыс. человек (в 2006 г. – 10 195, в 2018 г. – 19 002), что свидетельствует о недостижении определенной частью осужденных цели уголовно-исполнительного законодательства в виде предупреждения совершения новых преступлений (не говоря уже об их исправлении как другой цели по ст. 1 УИК РФ).

При этом очевидно, что указанные статистические данные ориентированы на учет только отдельных категорий лиц по признаку состояния здоровья (больных наркоманией и пр.), не затрагивая многие другие заболевания (туберкулез, ВИЧ-инфекцию, психические расстройства и пр.), а также «общее» состояние осужденных (например, наличие у них инвалидности).

Вместе с тем Судебный департамент при Верховном Суде РФ показывает, что уголовные наказания, кроме всего прочего, применяются не только в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии наркотического и иного (кроме алкогольного) опьянения (2016 г. – 7 490, в 2017 г. – 7 077, в 2018 г. – 5 435), но и алкогольного опьянения (2016 г. – 239 065, в 2017 г. – 215 967, в 2018 г. – 185 555), а также в отношении нетрудоспособных лиц (в 2016 г. – 20 909, в 2017 г. – 21 304, в 2018 г. – 22 193), т. е. имеющих тяжелые заболевания и иные недостатки физического или психического состояния здоровья.

Очевидно, что отбывают различные наказания, в том числе не связанные с изоляцией от общества, достаточно большое число больных осужденных, надлежащая статистическая конкретизация по которым отсутствует.

Аналогичная ситуация и со статистическими данными относительно решения вопросов в стадии исполнения приговора, оперируемых Судебным департаментом при Верховном Суде РФ.

Так, относительно предоставления отсрочки женщине (мужчине), имеющим детей (до 14 лет), и женщине в связи с беременностью (ч. 1 ст. 82 УК и п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК) ежегодно подается более тысячи ходатайств (в 2014 г. – 1 626, в 2015 г. – 1 648, в 2016 г. – 1 540, в 2017 г. – 1 643, в 2018 г. – 1 344), из которых удовлетворяется лишь меньшая часть (в 2014 г. – 344, в 2015 г. – 284, в 2016 г. – 324, в 2017 г. – 319, в 2018 г. – 346), что может свидетельствовать о недостаточном закреплении в законодательстве критериев принятия судом указанного решения.

Аналогичная ситуация происходит и с принятием решения об отсрочке исполнения приговора в связи с болезнью осужденного, тяжкими последствиями и другими исключительными обстоятельствами (п. 1 и 3 ч. 1 ст. 398 УПК), критерии принятия решения по которым вообще отсутствуют в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве. Так, ежегодно подается по указанному основанию более тысячи ходатайств (в 2014 г. – 2 272, в 2015 г. – 2 017, в 2016 г. – 1 759, в 2017 г. – 1 386, в 2018 г. – 1 392), из которых удовлетворяется лишь меньшая часть (в 2014 г. – 504, в 2015 г. – 282, в 2016 г. – 395, в 2017 г. – 355, в 2018 г. – 414). В этом случае получается, что по меньшей мере вышеуказанное количество осужденных (их адвокатов) считают себя имеющими тяжелые социально значимые заболевания, выступающими основаниями для получения отсрочки исполнения приговора по состоянию здоровья, и суд иногда удовлетворяет определенное число таких ходатайств, соглашаясь с ними. Согласно же ч. 1 ст. 398 УПК, такая отсрочка исполнения приговора применяется и в отношении лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, – к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, принудительным работам.

Иная ситуация происходит с применением отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы до окончания лечения наркомании и медико-социальной реабилитации по ч. 1 ст. 82.1 УК и п. 4 ч. 1 ст. 398 УПК, когда удовлетворяется то большая, то меньшая часть из представленных обращений: в 2014 г. – 2 927 из 3 730, в 2015 г. – 10 из 46, в 2016 г. – 3 из 36, в 2017 г. – 9 из 37, в 2018 г. – 4 из 22.

Между тем при отсутствии четких критериев освобождения от наказания лиц в связи с болезнью по ст. 81 УК РФ и ст. 175 УИК РФ ежегодно подается по несколько тысяч ходатайств или представлений (в 2015 г. – 6 766, в 2016 г. – 7 478, в 2017 г. – 8 732, в 2018 г. – 9 135), из которых удовлетворяется лишь меньшая часть (в 2015 г. – 1 477, в 2016 г. – 2 042, в 2017 г. – 2 674, в 2018 г. – 2 802).

В этом случае очевидно, что при наличии недостатков регулирования общие статистические данные не отражают основные сложности исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в отношении осужденных, имеющих социально значимые заболевания.

Таким образом, очевидна необходимость совершенствования различных аспектов исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в отношении больных осужденных.

УДК 343.8

В.С. Шабаль

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАМЕНЫ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫМИ ЦЕНТРАМИ

23 октября 2019 г. состоялось заседание Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь, на котором был рассмотрен проект Концепции совершенствования юстиции для несовершеннолетних. В данной Концепции предлагается ввести новый вид исправительного учреждения вместо воспитательных колоний (ВК), который получил название воспитательного центра (ВЦ). Перспективы изменения вида исправительного учреждения для несовершеннолетних не совсем ясны, поэтому следует обратиться к международному опыту.

Практика преобразования ВК в ВЦ апробирована в Российской Федерации. Несмотря на то что эксперимент проходил с 2012 г. (участвовало 10 учреждений), по настоящее время традиционные ВК продолжают функционировать в России.

Принципиальные различия в организации работы ВЦ от ВК в Российской Федерации заключаются в ряде позиций. К ним относятся следующие:

1. Воспитанники размещаются в жилых секциях по четыре человека с собственным санузлом, телевизором, где бытовые условия приближены к домашним.

2. Распределение воспитанников по комнатам проводится с учетом психофизиологической совместимости характеров несовершеннолетних, а также степени их криминальной зараженности, возраста и иных факторов.